

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 152–160

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 152–160

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-152-160>, EDN: KFCAEC

Научная статья

УДК 821.161.1-1-3.09(574)+929

Прозиметрум: синкретизация жанров в казахстанской русскоязычной поэзии

З. К. Темиргазина¹✉, Е. П. Гаранина¹, А. К. Матаева²

¹Павлодарский педагогический университет имени А. Маргулана, Республика Казахстан, 140002, г. Павлодар, ул. Олжабай батыра, д. 60

²Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Сатбаева, д. 2

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор высшей школы гуманитарных наук, temirgazina_zifa@pspu.kz, <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Гаранина Екатерина Петровна, кандидат филологических наук, ст. преподаватель высшей школы гуманитарных наук, kate1917@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4134-0445>

Матаева Асель Камчыбековна, докторант кафедры казахской литературы, asyl_mataeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3470-0756>

Аннотация. В казахстанской русскоязычной поэзии второй половины XX века отмечается активизация использования прозиметрума. Это обусловлено, во-первых, постмодернистскими поисками новых художественных эстетических форм; во-вторых, влиянием казахской поэзии с ее типичным силлабическим стихосложением, при котором поэзия и проза дифференцируются нечетко. Русскоязычные поэты, применяя прозиметрум, органично совмещали русские поэтические традиции с казахскими. Соединение прозы и поэзии в рамках одного поэтического произведения наблюдается в творчестве Олжаса Сулейменова, Бахытжана Канаянова, Бахыта Каирбекова и т. д. Прозиметрум применялся как поэтический прием, как способ поиска новых выразительных форм, одновременно он способствовал синкретизации традиционных жанров, например, притчи и предсмертной песни, предания и поэтического айтыса («поэтического соревнования») и т. п. В результате симбиоза появились своеобразные синкретические лироэпические и лирические жанры. Художественно-эстетический потенциал прозиметрума дал возможность казахским поэтам реализовать постмодернистские тенденции в выражении реального мира и «неустойчивой» реальности, в создании «текста в тексте», в реализации метатекстовой функции, в усложнении субъектной структуры художественного текста с помощью приема самореференции и т. д. В синкретических жанрах прозаический фрагмент чаще всего представляет собой метатекстовый комментарий автора, касающийся последующих поэтических строк. Казахские поэты в полной мере использовали «технические» возможности прозиметрума в создании своеобразного «неровного», прерывистого ритма путем чередования прозаических и поэтических фрагментов. Этот ритм стал одним из существенных признаков синкретических жанров в казахстанской русскоязычной поэзии.

Ключевые слова: прозиметрум, синкретический жанр, казахская русскоязычная поэзия, постмодернизм, метапроза, самореференция

Благодарности. Исследование финансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, грант ИРН AP23487222 «Транскультурная русскоязычная литература Казахстана как часть мирового литературного мейнстрима».

Для цитирования: Темиргазина З. К., Гаранина Е. П., Матаева А. К. Прозиметрум: синкретизация жанров в казахстанской русскоязычной поэзии // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 152–160. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-152-160>, EDN: KFCAEC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Prosimetrum: Syncretization of genres in Kazakh Russian-language poetry

Z. K. Temirgazina¹✉, Y. P. Garanina¹, A. K. Matayeva²¹A. Margulan Pavlodar Pedagogical University, 60 Olzhabaj batyr St., 140002 Pavlodar, Republic of Kazakhstan²L. N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satbaeva St., 010000 Astana, Republic of KazakhstanZifa K. Temirgazina, temirgazina_zifa@pspu.kz, <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>Yekaterina P. Garanina, kate1917@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4134-0445>Assel K. Matayeva, asyl_mataeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3470-0756>

Abstract. The article analyzes the activation of the use of prosimetrum in Kazakhstan Russian-language poetry of the second half of the twentieth century. We believe that this is due to, firstly, postmodernist search for new artistic forms, and secondly, the syllabic principle of versification typical of Kazakh poetry, in which poetry and prose are not clearly differentiated. Kazakhstan Russian speaking poets, using prosimetrum, organically combined Russian poetic traditions with Kazakh ones. The combination of prose and poetry within one poetic work became popular in the works of poets of the second half of the 20th century: Olzhas Suleimenov, Bakhytzhan Kanapyanov, Bakhyt Kairbekov, etc. Prosimetrum was used not only as a poetic device, as a way of searching for new expressive forms, but also contributed to the transformation of traditional genres, for example, the symbiosis of a parable and a dying song, a legend and a poetic aitys (“poets’ competition”), etc. As a result of syncretization, unique lyric-epic and lyrical genres of prose poetry appeared. The artistic and aesthetic potential of prosimetrum gave Kazakhstan poets the opportunity to realize postmodernist tendencies in expressing the real world and unstable reality, in creating a “text within a text”, in incorporating metaprose into a work, in complicating the subjective structure of an artistic text using the technique of self-reference, etc. In prose poetry, a prose fragment most often represents a metatextual commentary of the author, characterizing the poetic lines in terms of their source, origin, authorship, genre, and other parameters. Kazakhstan poets made full use of the “technical” possibilities of prosimetrum in creating a specific “uneven”, intermittent rhythm by alternating prose and poetic fragments. This rhythm became one of the specific features of the syncretic genre of prose poetry in Kazakhstan Russian-language poetry.

Keywords: prosimetrum, syncretic genre, prose poetry, Kazakhstan Russian-language poetry, postmodernism, metaprose, self-reference

Acknowledgments. The study was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, grant IRN AP23487222 “Transcultural Russian-language literature of Kazakhstan as part of the world literary mainstream”.

For citation: Temirgazina Z. K., Garanina Y. P., Matayeva A. K. Prosimetrum: Syncretization of genres in Kazakh Russian-language poetry. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 152–160 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-152-160>, EDN: KFCAEC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В теоретических изысканиях литературоведов значительное внимание уделяется проблеме взаимодействия двух основных видов художественной речи — прозы и поэзии. Эксперименты с формами художественной речи касаются прежде всего поэтической речи, ее жанров, что, на наш взгляд, связано с тем фактом, что техника поэтической речи более формализована, конкретизирована в категориях размера, метра, способа стихосложения. Именно поэтому ее трансформация более доступна и заметна. Немаловажно и то, что поэзия всегда ограничена в объеме. Проза же менее формализована, менее подчинена техническим правилам, она формально совпадает с устной разговорной речью.

Кроме того, объем прозаического произведения, как правило, намного значительнее, чем в стихотворениях, что также может служить препятствием для удачного экспериментирования с прозой. Ю. Б. Орлицкий отмечает невозможность сплошной метризации больших прозаических текстов: «Сплошная же метризация, способная организовать целиком относительно небольшие тексты <...>, в условиях увеличения текста неизбежно приводит к появлению метризованной прозы, т. е. такой, в которой метр постоянно выкристаллизовывается, а затем вновь растворяется в нейтральной среде» [1: 59].

Таким образом, попытки трансформации прозаической речи ограничены: «прозаизировать» ее более невозможно. Соответственно,

ее трансформация двигалась в сторону «поэтизации», т. е. сводилась к сближению с поэтической речью. Так появляется метризованная, или метрическая проза. С. И. Кормилов называет ее «маргинальной» и определяет ее как «организацию речи, при которой стопный или другой горизонтальный ритм <...> не сопровождается регулярным, упорядоченным членением на соизмеримые отрезки фразового характера» [2: 86].

Одной из важнейших тенденций в современной русской поэзии является процесс прозаизации, противоположный поэтизации и метризации. Исследователи отмечают связанность этих процессов с авторскими художественными задачами: «Прозаизация стихотворных текстов и поэтизация прозаических – явление, связанное не столько с формальными показателями (например, ритмизация прозы), сколько с внутренним смыслом текста, с особой эстетической установкой автора, его эмоциональной и мировоззренческой сущностью» [3: 114].

Наибольший интерес проблема трансформации поэзии и прозы вызвала у поэтов и писателей конца XIX – начала XX в., поскольку классическая система стихосложения перестала соответствовать их эстетическим запросам: «И это однообразие классического стиха давно уже почувствовали французские символисты, создатели свободного стиха, так называемого “верлибра”» [4]. М. Зенкевич, говоря об изменениях в русской поэзии рубежа XIX – XX веков, предлагает использовать термин «прозостих». На сегодняшний день сложилось традиционное понимание прозостиха как метризованной прозы, т. е. организованной с использованием размера и стихотворного метра прозы. Классическим образцом прозостиха считается произведение М. Ю. Лермонтова 1832 г. «Синие горы Кавказа, приветствую вас!..», построенного на трехдольном дактиле [2: 86].

Рассматривая отношения поэзии и прозы, литературоведы используют также термины «прозиметрия», «прозиметр» или «прозиметрум» от лат. *prosimetrum*, *prosa* (*oratio*) – проза и *metrum* – стих. А. В. Журбина определяет прозиметр как «литературную форму, в которой стихотворные фрагменты чередуются с прозаическими. Термин “П.” используется с 12 в. Античные истоки П. в творчестве Мениппа» [5]. Исследователи считают истоками прозиметрума фольклор: сказания, саги, легенды и т. д. [6].

Достаточно изученной областью использования прозиметрума является русская литература XVII – XIX вв. [1, 7, 8], французская литература эпохи Ренессанса [9, 10], средневековая немецкая литература ранней и позднейшей эпохи [11]. Несомненно, говорю

о прозиметруме, мы должны назвать книгу под редакцией J. Harris и K. Reichl [12], в которой представлены компаративные исследования смешанных прозаических и стихотворных произведений в литературах Европы и Востока от классической культуры до XIX в. Значимой для нашего исследования является работа С. D. Eckhard [13], ориентированная на выявление эволюции прозиметрических жанров, сложившихся в творчестве Бозция и Бозса. Автор изучает влияние прозиметрума на жанровую сторону средневековых произведений. Некоторые исследователи, анализируя современную литературу, например, произведения Дж. Р. Толкиена, обнаруживают в них прозиметрический стиль (*the mixed style*) (см., например, [14]). Сегодня расширяется комплекс инструментов изучения метра и семантики поэзии и прозы. Так, P. Plecháč, R. Kolár [15] применили искусственный интеллект для анализа художественных текстов чешских постсимволистов через топическое моделирование в программе LDA.

Итак, в современном литературоведении понятие прозиметрума толкуется широко, не сводясь к верлибру, прозостиху или метризованной, ритмической прозе. В статье мы представляем результаты анализа произведений казахских русскоязычных поэтов постмодернистской эпохи, в которых использован прозиметрум. Активизация использования прозиметрума наблюдается в казахстанской поэзии во второй половине XX в. Это обусловлено поисками новых форм выразительности и влиянием идейно-эстетических тенденций постмодернистской эпохи. L. Ives, утверждая давность и разнообразие традиций объединения стихотворений и прозы в синкретические произведения, справедливо связывает эту практику в современной литературе с постмодернистским влиянием и называет прозиметрические произведения «postmodern novel» [16]. Активизация применения прозиметрума в практике казахских русскоязычных поэтов является частью общего процесса прозаизации стихотворных произведений, характерной и для современной российской поэзии. Наиболее важный результат использования прозиметрума, на который мы делаем акцент в нашем исследовании, – это синкретизация поэтических и прозаических литературных жанров.

Несмотря на достаточно детальную изученность творчества казахстанских поэтов второй половины XX в., в частности, О. О. Сулейменова, Б. М. Канапьянова, Б. Г. Каирбекова, Б. Кенжеева и других, проблема влияния прозиметрума на жанровую сторону произведений не исследовалась.

Итак, цель нашей статьи – исследовать влияние прозиметрума на синкретизацию традиционных поэтических и прозаических жанров в казахстанской поэзии второй половины XX в. Полагаем, что затронутая проблема затрагивает более широкий круг вопросов, в частности, использование метапрозы, приема «текста в тексте», самореференции и т. п.

Методы исследования

Взаимоотношения прозы и поэзии зависят от нескольких факторов. В первую очередь, от социально-исторических обстоятельств, в которых протекает литературный процесс; во-вторых, от личности автора, его склонности к экспериментированию с художественными формами, жанрами и т. п.; в-третьих, от литературных традиций, обусловленных в том числе объективными фактами, такими как, например, морфологический строй языка.

В статье в качестве основного метода используется структурный анализ художественного текста, позволяющий выявить особенности жанровой, композиционной, субъектной, ритмической и стилистической организации произведений. Кроме этого, применяется историко-литературный метод для характеристики особенностей казахстанского литературного процесса второй половины XX в.

Результаты и обсуждение

Ученые не раз описывали размытость границ между шаблонной прозой и стихом в тюркском устном повествовании и эпосе. J. Harris и K. Reichl, рассуждая о возникновении стиха среди тюркоязычных народов Центральной Азии и Сибири, отметили склонность к синтаксическому параллелизму агглютинативных тюркских языков, с легкостью превращающих параллельные сегменты речи в изосиллабический, рифмованный стих [12: 8]. И далее они приходят к выводу о генетической близости и недифференцированности стиха и прозы в древнетюркском языке: «Indeed, in some (presumably archaic) Turkic traditions epic verse is so irregular that, were it not for the mode of performance – namely a rhythmic chanting – it would often be indistinguishable from prose» [12: 8]. (Действительно, в некоторых (предположительно архаичных) тюркских традициях эпический стих настолько нерегулярен, что, если бы не способ исполнения – а именно ритмическое пение – он часто был бы неотличим от прозы. – Перевод наш. – З. Т., Е. Г., А. М.).

Таким образом, симбиоз стиха и прозы генетически свойствен казахскому языку, устным народно-поэтическим традициям, в которых отсутствует строгое противопоставление одного вида художественной речи другому. Казах-

ская поэзия, основанная на силлабическом принципе, т. е. на квантитативно-ритмической организации слогов в строке, не опирается на рифму и размер, поскольку казахский язык относится к языкам с константным ударением на последнем слоге слова, что затрудняет применение тонического стихосложения, как, например, в русском языке. См., стихотворение Ф. Қайырбекова «Таңғы романс» («Утренний романс»), в котором размер не определяется, рифмуются только 2-я, 3-я и 5-я строки, ритм создается определенным количеством слогов в строках:

*«Таң келеді,
ақтық сөзің айтыпты' А'й,
Енді' өзің бұ'л аспанда' ба'р тұтпа'й.
Ө'ң ме'н түсті'ң арасында' жатты'ң се'н
Же'р ме'н аспа'н арасындағы' а'қ бұлт-
та'й» [17].*

(Утро приближается,
сказала последние слова луна,
Теперь не найдешь себя на этом небе.
Ты лежишь между красками неба,
как белое облако между землей и небом. –
Перевод наш. – З. Т., Е. Г., А. М.).

Русскоязычные казахские поэты, усвоившие традиции русской силлабо-тонической поэзии и создающие произведения, основанные на этом способе стихосложения, тем не менее часто используют силлабику, свойственную традиционной казахской поэзии.

Синкретизация жанров

В анализируемых нами произведениях неметризованные прозаические строки сочетаются с поэтическими строками. Как говорилось выше, прозиметрум как художественная форма в определенной степени отвечает запросам постмодернизма, но, что особенно важно, она была близка морфологическому строю казахского языка, оказывающего влияние на русскоязычную поэзию авторов-казахов.

Инкорпорирование прозаических элементов в структуру стиха вызвано потребностью автора в метапрозаическом осмыслении художественного мира, в углублении самореференции автора, которые характерны для литературы постмодернизма [18, 19]. Используя метапрозу, автор комментирует мир, в котором пребывает персонаж, тем самым придавая тексту большую значимость за счет презентации внешнего взгляда на этот вымышленный мир. Р. Waugh полагает, что важнейшая функция метапрозы – акцентирование дихотомии между реальным миром и вымышленным художественным миром, в процессе которого возникают пародии, подрыв ожиданий читателя, альтернативный взгляд на ситуацию,

на состояние человека [20]. Частью метапрозы выступает самореференция, с помощью которой автор осуществляет эксперименты с позициями нарратора, рассказчика, моделирует свои отношения с вымышленными персонажами [21].

В результате симбиоза видов художественной речи возникают новые для казахской поэзии синкретические жанры. В них мы находим соединение в одном произведении прозаических жанров, таких как притча, легенда, предание, рассказ и т. п. и поэтических жанров, таких как песня, айтыс, элегия, эпиграмма, философское размышление и т. п. Отметим, однако, что иногда определение жанровой принадлежности прозаического или поэтического фрагмента затруднено в силу его небольшого объема (1–2 строки).

Важно подчеркнуть, что поэты используют прозу в ее исходной форме, не изменяя ее природу. Они не пытаются придать ей метрический характер, уподобляя поэзии или, по крайней мере, приближая к ней, как это происходит с верлибром или прозостихом. Поэт соединяет прозу и поэзию, исходя лишь из собственного идейно-художественного замысла, и этот синтез, несмотря на отсутствие попыток сблизить их, носит органичный характер. В процессе синкретизации жанров в равной степени используются преимущества обоих видов художественной речи.

Синкретические произведения обычно имеют небольшой объем. Это в некоторой степени свидетельствует об их изначальной принадлежности к поэтической речи. Еще одним немаловажным параметром выступают пропорции прозаических и поэтических фрагментов, их расположение и чередование внутри произведения. Несомненно, эти признаки носят формальный характер, тем не менее они играют определенную роль в передаче авторского замысла и идейного содержания прозиметрического произведения. Исследование показало, что в результате использования прозиметрума складываются два типа синкретических жанров, обладающие специфическими признаками: лироэпические и лирические.

Лироэпические синкретические жанры

Стихотворение Олжаса Сулейменова «Последнее слово акына Смета» [22: 255–256] можно считать одним из удачных образцов лироэпического синкретического жанра. В онтологии художественной идеи лежит нерядовое, но достаточно распространенное для казахского общества XIX в. событие: юноша украл любимую девушку, выданную замуж против воли [23: 277]. Эта довольно тривиальная ситуация превращается в художественном осмыслении Сулейменова в нарратив о силе

искусства и любви, побеждающих косные обычаи и смерть.

Прозаическое начало произведения, состоящее из 4 абзацев, носит притчевый характер. После следует 41 поэтическая строка – песня молодого акына Смета. Завершается произведение прозаическим фрагментом притчи, в котором заложено основное моральное написание. В первом прозаическом фрагменте, кроме фабулы, содержится метапрозаический комментарий, в котором говорится о песне молодого акына: «Смет, потирая затекшие руки, глядел на черный прямоугольник двери. И тихо пел последние слова» [22: 255]. Последняя песня Смета является кульминацией произведения. После нее снова следует метапрозаический комментарий: «Он пропел это одним дыханием, не напрягаясь и не торопясь. Его плечи и голова еще отчетливо печатались на мрачном небе. Днем он был некрасив, его образу не хватало голоса» [22: 256]. Услышав песню, старик Азербай оценил большой талант молодого акына. Он преодолел эгоистическое чувство обиды, отпустив с миром Смета и свою жену, хотя по степным законам он должен был совершить правосудие над похитителем жены.

Прозиметрум в анализируемом произведении имеет «рамочную» композицию: песня Смета помещена между двумя прозаическими частями притчи, представляя собой «текст в тексте». Внедрение прозаических фрагментов в произведение дает автору возможность реализовать множественную самореференцию: автор – это и нарратор, и наблюдатель, и свидетель, вступающий в сложные отношения с персонажами: Азербаем, Сметом, Алибеком.

Это небольшое по объему произведение имеет прочную сюжетно-событийную канву. Чередование прозаических частей произведения с поэтической частью обусловлено сюжетом, общностью персонажей, хронотопа и не требует дополнительных художественных способов и средств соединения их в одно синкретическое целое, обладающее признаками эпического жанра притчи и лирического жанра последней (предсмертной) песни.

К лироэпическому синкретическому жанру можно отнести и произведение «Айтыс» ('песенное состязание') Сулейменова [22: 113–114], в котором повествуется о словесном поединке двух батыров. Первый прозаический фрагмент относится к жанру предания, в него включено метапрозаическое описание айтыса:

«Войско выбирало себе в предводители того батыра, который побеждал соперника в споре. Народ сохранил в памяти несколько батырских айтысов. Наиболее известен

айтыс (спор) Кара-батыра и Урак-батыра из Среднего жуза, рода караул» [22: 113].

После метапрозы следуют поочередно песни Кара-батыра и Урак-батыра. Произведение завершается кратким метаописательным комментарием-итогом: «Предание говорит, что в этом споре победил Урак-батыр...» [22: 114]. Использование прозиметрума позволяет автору соединить в одном произведении жанр предания и национально-специфический жанр поэтического айтыса.

Таким образом, лироэпические произведения представляют собой результат синтеза прозаических (притчи, предания, легенды и т. п.) и поэтических (предсмертная песня, айтыс, эпитафия и т. д.) жанров.

Лирические синкретические жанры

Произведение Бахытжана Канапьянова «Космостанция» 1985 г. [24: 68–70] относится к лирическому синкретическому жанру. Оно начинается с двух стихотворных строк:

*«Космический пророчит рейс
В моих ладонях эдельвейс»* [24: 68].

За ними следует 3 абзаца прозы, развивающих идею о неразрывности связи Земли и Космоса – «вечной поэмы звездного неба». Завершается произведение 18 стихотворными строками.

Смена стиха и прозы не имеет, как в лироэпических произведениях, рассмотренных выше, сюжетно-событийной логики. Она обусловлена движением художественной идеи лирического героя, размышляющего о том, что человек, стремясь в Космос, сохраняет неразрывную, «пуповинную» связь с Землей.

В лирическом нарративе – прозаическом и стихотворном – осуществляется самореференция автора. Поэт удваивает себя как субъекта в различных «неустойчивых» реальностях и проекциях, создавая своего двойника и, возможно, тройника [25: 144–145]. Произведение объединено самореферентностью субъекта – автора, лирического героя, нарратора, персонажа, которые репрезентированы местоимениями 1-го лица (я, моих, мною).

Если в лироэпическом жанре прозаические и стихотворные строки связаны развитием сюжета, общностью персонажей, хронотопа и т. д., то синкретический лирический жанр требует других средств связи – смысловых, семиотических скреп. Так, в произведении Канапьянова подобной семиотико-смысловой скрепой выступает эдельвейс – символ Земли [26: 1387]. Стихотворные строки начинаются с его упоминания, размышления лирического героя об этом цветке «вечности» составляют

содержание прозаической части, и далее в завершающих поэтических строках лирический герой пишет:

*«Эдельвейс-цветок
С книжной полки
рвется к свету –
Звездный бродит ток»* [24: 70].

Прозаический фрагмент в центре произведения составляет 3 абзаца. В стилистическо-смысловом отношении он насыщен художественными словесными макро- и микрообъемами, объединенными общей семиотикой и символической поэтикой вечности, устремленности в космос, привязанности к Земле как дому: «в вечную поэму звездного неба»; «крохотные лепестки антенн»; «живут, дыша цветами вечности».

Таким образом, прозаическая часть развивается и углубляет поэтику лирического жанра, выступая важным художественно-стилистическим средством воплощения авторской идеи и образов.

Композиция синкретических жанров

Наиболее частотной структурой синкретических жанров является двухчастная композиция «прозаический фрагмент» + «стиховой фрагмент». Прозаическое начало чаще всего выполняет метаописательную функцию:

*«Написано на свободных страницах книги
жалоб и предложений чайханы № 5 Душанбинского горпищеторга.
...Омар Хайям,
как убеждают критики, –
блудник, язычник,
как сама луна»* [22: 320].

Стихотворный фрагмент представляет собой эпиграмму – «текст в тексте», который описывает автор в предшествующем прозаическом комментарии. Приведем еще один пример метатекста в прозе:

*«Деревенские мальчишки ловят плотву на удочку. Безногий бородач на телеге с сеном. В моем блокноте – зарисовки, первое, что пришло на ум.
Избы вздыбились на косогоре,
как плоты на речном повороте
при заторе»* [22: 291].

Метапроза, передающая рефлексию автора, помогает определить стихотворные строки как сиюминутные «зарисовки» поэта, «первое, что пришло на ум».

В следующем произведении стиховой фрагмент – это заклинание баксы ('шаман'), прозаическая часть в конце описывает заключительный акт магического камлания:

«И одна, одна змея
извивается
в моей руке,
изгони,
моя змея,
из больного тела
недуг...
Э-эх-хх!!!

Баксы в бешеном ритме танца бьет об-
рядовым бичом по телу лежащей больной»
[24: 79].

Прозаическая вставка может выполнять
функцию вступления:

«На берегу Средиземного моря торчит
из песка камень. У этого камня, по пре-
данию, останавливался на минуту Саади.
К этому камню раз в году приходит, обо-
гнув землю, волна, которая его видела.
У финикийских гор
Она прошла,
между столбами Калпе и Абила,
о камни Нэгро
губы обожгла,
в Бискайе, злая, корабли топила» [22: 198].

Обычно при двухчастной структуре соот-
ношение прозаического и поэтического фраг-
ментов составляет 1: 3 или 1: 4. Однако
расположение и чередование стихотворных
и прозаических частей в синкретических жан-
рах может иметь и более сложную структуру,
например, «стиховой фрагмент» + «прозаиче-
ский фрагмент» + «стиховой фрагмент» или
«стиховой фрагмент» + «прозаический фраг-
мент» + «стиховой фрагмент» + «прозаический
фрагмент». Так, поэма Б. Канапьянова «Кочев-
ница» состоит из трех частей, первая и третья
поэтические части – это эпитафии на гибель

двух женщин-кочевниц, вторая часть – это ле-
генда, повествующая об их гибели [24: 81–83].
Реже встречаются более сложные композиции.

Важной функцией прозиметрума, которая
вызывала особое внимание казахстанских по-
этов, является его способность усложнять рит-
мическую организацию художественного тек-
ста. М. М. Гиршман писал о необходимости
широкого понимания ритма: «Под ритмом по-
нимается не только ритмическая организация
прозаической речи, но и в целом повторяе-
мость любых схожих элементов в определен-
ной закономерности. Ритм может проявляться
на любом уровне произведения» [27: 76]. Про-
зиметрум используется как способ постоянной
«перебивки» ритма, приводящего к созданию
необычного «неровного» ритма синкретиче-
ских произведений за счет чередования в раз-
нообразных вариациях прозаических и поэти-
ческих строк.

Мы выявили различные варианты син-
теза традиционных жанров: притча + по-
следняя (предсмертная) песня; предание +
айтыс; эпитафия + легенда; лирическое раз-
мышление + лирический рассказ-миниатюра
и т. д. Основная модель синкретизации ос-
нована на соединении в одном произведении
двух жанров (поэтического и прозаическо-
го), в итоге возникают необычные в ком-
позиционном, художественно-стилистическом
отношении произведения. Лирозэпические и ли-
рические синкретические жанры дифферен-
цируются в зависимости от художественных
способов и средств, объединяющих прозу
и поэзию в целостное произведение. В ли-
роэпических жанрах это общность сюжета,
системы персонажей, хронотопа и т. п. В ли-
рических синкретических жанрах речь идет
о доминанте идейно-смысловых скреп: сквоз-

Синкретические жанры как результат применения прозиметрума

Table. Syncretic Genres as a Result of Applying Prosimetrum

Синкретические жанры	Синтез традиционных жанров (прозаических и поэтических)	Художественные способы и средства объединения в целостное произведение
Лирозэпические жанры	Притча + последняя (предсмертная) песня	1) общий сюжет, хронотоп, система персонажей; 2) прозаический фрагмент зачастую выполняет метаописательную функцию; 3) своеобразный ритм, образованный чередованием стиха и прозы
	Предание + айтыс	
	Эпитафия + легенда	
	Рассказ + поэтическое заклинание	
	Метапрозаический комментарий + поэтическая зарисовка	
Лирические жанры	Метапрозаический комментарий + эпитаграмма	1) общие смысловые скрепы: сквозной мотив, символика, поэтические макро- и микрообразы; 2) своеобразный ритм, образованный чередованием стиха и прозы
	Прозаическое вступление + посвящение	
	Легенда + элегия	
	Поэтическое размышление + лирический рассказ-миниатюра	

ной темы, поэтической символики, общности макро- и микрообразной системы. К общим художественно-эстетическим свойствам синкретических жанров относится специфическая ритмическая организация, порожденная чередованием стихотворных и прозаических строк.

Синкретизация жанров в результате использования прозиметрума схематически представлена в таблице ниже.

В таблице описаны наиболее репрезентативные варианты, дающие общее представление о процессе синкретизации жанров в казахстанской поэзии.

Заключение

Соединение в рамках одного поэтического творения стихотворных и прозаических строк, характерное для творчества казахских русскоязычных поэтов второй половины XX в., является частью общего процесса прозаизации. Прозиметрум приводит к изменениям в системе литературных жанров, к обогащению

ее синкретическими лирическими и лироэпическими произведениями, построенными на разнообразных вариациях традиционных жанров.

Прозаическая часть нередко выполняет метатекстовую функцию, в этом случае поэтические строки представляют собой «текст в тексте». Казахские поэты активно используют прием самореференции, усложняющий субъектную структуру и создающий полифонию художественного текста. Чередование прозаических и поэтических элементов создает особый, прерывистый ритм, который является специфическим признаком прозиметрических произведений.

Таким образом, прозиметрум расширяет эстетико-поэтический инструментарий автора, позволяя ему свободно оперировать художественными формами действительности, моделировать варианты авторского «я» – «не я», ритмической стороной художественного текста и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орлицкий Ю. Б. Стиховое начало в русской прозе XX в. (опыт типологии) // Славянский стих: Стихование, лингвистика и поэтика : материалы междунар. конф., Москва, 19–23 июня 1995 г. / под ред. М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой. М. : Наука, 1996. С. 58–64.
2. Кормилов С. И. Маргинальные системы русского стихосложения. М. : МГУ, 1995. 158 с.
3. Валгина Н. С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 173 с.
4. Зенкевич М. О новом стихе // Футурум АРТ. 2001. № 2–3. URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=8480> (дата обращения: 03.09.2024).
5. Журбина А. В. Прозиметр // Большая советская энциклопедия 2004–2017 гг. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/4998757> (дата обращения: 02.09.2024).
6. O'Donoghue H. Prosimetrum in the Íslendingasögur // The Cambridge History of Old Norse-Icelandic Literature / eds. H. O'Donoghue, E. Parker. Cambridge University Press, 2024. P. 247–263.
7. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. М. : РГГУ, 2002. 685 с.
8. Чжу Б. Жанровый синтез в лирической прозе и стихотворениях в прозе Н. М. Карамзина // Жанры речи. 2024. Т. 19, вып. 3 (43). С. 256–265. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-256-265>, EDN: PAUGRO
9. Dauvois N. De la satura à «La bergerie»: Le prosimètre pastoral en France à la Renaissance et ses modèles. Paris, Champion, 1998. 316 p.
10. Le prosimètre à la Renaissance. Paris : D'Ulm, 2005. 176 p.
11. Papst B. Tradition und Wandel einer Literaturform zwischen Spätantike und Spätmittelalter, 1–2. Köln ; Weimar : Böhlau Verlag, 1994. 1184 S.
12. Prosimetrum: Crosscultural Perspectives on Narrative in Prose and Verse / eds. J. Harris, K. Reichl. Cambridge : DS Brewer, 1997. 444 p.
13. Eckhard C. D. The Medieval Prosimetrum Centres (from Boethius to Boece) // Genre. 1983. № 16. P. 21–38.
14. Bartoňková D. Prosimetrum, the mixed style, in Tolkien's work “The lord of the rings.” // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. Řada klasická. 2008. Vol. 57, № 13. P. 5–21.
15. Plecháč P., Kolár R. Metre and Semantics in the Poetry of Czech Post-Symbolists Accessed via LDA Topic Modelling // Studia Metrica et Poetica. 2022. Vol. 9? № 1. P. 7–19.
16. Ives L. On the Many Ways and Reasons to Mix Poetry and Prose: Contributing to A Long-Standing and Very Various Tradition. Literary Hub. 2 August 2016. URL: <https://lithub.com/on-the-many-ways-and-reasons-to-mix-poetry-and-prose/> (дата обращения: 11.10.2024).
17. Қайырбеков Ф. Өлгендер (Стихи). URL: <https://www.zharar.com/> (дата обращения: 03.10.2024).
18. Сегал Д. М. Литература как вторичная моделирующая система // Slavica Hierosolymitana. 1979. № 4. P. 1–35.
19. Hatlen B. Borges and metafiction // Simply a Man of Letters: Panel discussion and Papers from the Proceedings of a Symposium on J. L. Borges held at the University of Maine at Orono. Univ. of Maine, 1982. 390 p.
20. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction (New Accents). Routledge, 2002. 188 p.
21. Темиргазина З. К. Поэтема как инструмент анализа лирического текста в концепции Л. А. Новикова языка как искусства слова // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 2. С. 249–261. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-249-261>
22. Сулейменов О. О. Определение берега. Алма-Ата : Жазушы, 1976. 455 с.
23. Temirgazina Z., Rakhimzhanov K., Akosheva M., Luczyk M., Kulumzhanov N., Shaharman A., Zyludbayeva R. Semiotics of family in Kazakh wedding toasts in the perspective of intercultural communication // Metaphor and the Social World. 2022. Vol. 12, iss. 2. P. 270–291. <https://doi.org/10.1075/msw.19019.tem>

24. Кананьянов Б. М. Избранное : в 2 т. Т. 2. Алматы : Издательский дом «Жибек жолы», 2011. 536 с.

25. Акишева М. К., Рахимжанов К. Х. С кем мы сравниваем уродливых людей? Эталоны уродства в русском языке // *Slavia Centralis*. 2022. Vol. 15, № 1. P. 138–154.

26. Temirgazina Z. K., Bakhtikireeva U. M., Sinyachkin V. P. Cognitive Mechanism of Metaphorization in Zoological Terms // *American Journal of Applied Sciences*. 2016. Vol. 13, № 12. P. 1385–1393. <https://doi.org/10.3844/ajassp.2016.1385.1393>

27. Гиришман М. М. Ритм художественной прозы. М. : Советский писатель, 1982. 366 с.

REFERENCES

1. Orlitskij Yu. B. Verse origin in Russian prose of the 20th century (typology experience). In: *Slavyanskii stikh: Stikhovedenie, lingvistika i poetika: materialy mezhdunar. konf., 19–23 iyunya 1995 g. Pod red. M. L. Gasparova, T. V. Skulachevoi* [Gasparov M. L., Skulacheva T. V., eds. Slavic Verse: Versification, Linguistics, and Poetics: Proceedings of the International conference, Moscow, June 19–23, 1995]. Moscow, Nauka, 1996, pp. 58–64 (in Russian).

2. Kormilov S. I. *Marginal'nyje sistemy russkogo stikhoslozhenija* [Marginal systems of Russian verse]. Moscow, Moscow University Press, 1995. 158 p. (in Russian).

3. Valgina N. S. *Teorija teksta* [Text theory]. Moscow, Logos, 2003. 173 p. (in Russian).

4. Zenkevich M. On the new verse. *Futurum ART*, 2001, no. 2–3. Available at: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=8480> (accessed September 03, 2024) (in Russian).

5. Zhurbina A. V. Prosimetr. In: *Bol'shaja sovetskaja entsiklopedija 2004–2017 gg.* Available at: <https://old.bigenc.ru/literature/text/4998757> (accessed September 02, 2024). (in Russian).

6. O'Donoghue H. Prosimetrum in the Íslendingasögur. In: O'Donoghue H., Parker E., eds. *The Cambridge History of Old Norse-Icelandic Literature*. Cambridge University Press, 2024, pp. 247–263.

7. Orlitskij Yu. B. *Stikh i proza v russkoj literature* [Verse and prose in Russian literature]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2002. 685 p. (in Russian).

8. Zhu B. Genre synthesis: Lyrical prose and a poem in prose by N. M. Karamzin. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, iss. 3 (43), pp. 256–265 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-256-265>, EDN: PAUGRO

9. Dauvois N. *De la satura à «La bergerie»: Le prosimètre pastoral en France à la Renaissance et ses modèles*. Paris, Champion, 1998. 316 p. (in French).

10. *Le prosimètre à la Renaissance*. Paris, D'Ulm, 2005. 176 p. (in French).

11. Papst B. *Tradition und Wandel einer Literaturform zwischen Spätantike und Spätmittelalter, 1–2*. Köln, Weimar, Böhlau Verlag, 1994. 1184 S. (in German).

12. Harris J., Reichl K., eds. *Prosimetrum: Crosscultural Perspectives on Narrative in Prose and Verse*. Cambridge, DS Brewer, 1997. 444 p.

13. Eckhard C. D. The Medieval Prosimetrum Centres (from Boethius to Boece). *Genre*, 1983, no. 1, pp. 21–38.

14. Bartoňková D. Prosimetrum, the mixed style, in Tolkien's work "The lord of the rings." *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. Řada klasická*, 2008, vol. 57, no. 13, pp. 5–21.

15. Plecháč P., Kolár R. Metre and Semantics in the Poetry of Czech Post-Symbolists Accessed via LDA Topic Modelling. *Studia Metrica et Poetica*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 7–19.

16. Ives L. On the Many Ways and Reasons to Mix Poetry and Prose: Contributing to A Long-Standing and Very Various Tradition. *Literary Hub*. August 2, 2016. Available at: <https://lithub.com/on-the-many-ways-and-reasonsto-mix-poetry-and-prose/> (accessed October 11, 2024).

17. Kairbekov G. *Olender* [Poems]. Available at: <https://www.zharar.com/> (accessed October 03, 2024) (in Kazakh).

18. Segal D. M. Literature as a Secondary Modeling System. *Slavica Hierosolymitana*, 1979, no. 4, pp. 1–35 (in Russian).

19. Hatlen B. Borges and metafiction. In: *Simply a man of letters. Panel discussion and papers from the proceedings of a symposium on J. L. Borges held at the University of Maine at Orono*. University of Maine, 1982. 390 p. 390 p.

20. Waugh P. *Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction (New Accents)*. Routledge, 2002. 188 p.

21. Temirgazina Z. K. Poetem as a tool for analyzing a lyrical text in L. A. Novikov's concept of language as an art of words. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 137–152 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152>

22. Suleimenov O. O. *Opredelenije berega* [Definition of the coast]. Alma-Ata, Zhazushy, 1976. 455 p. (in Russian).

23. Temirgazina Z., Rakhimzhanov K., Akosheva M., Luczyk M., Kulumzhanov N., Shaharman A., Zyludubayeva R. Semiotics of family in Kazakh wedding toasts in the perspective of intercultural communication. *Metaphor and the Social World*, 2022, vol. 12, iss. 2, pp. 270–291. <https://doi.org/10.1075/msw.19019.tem>

24. Kanapjanov B. *Izbrannoje: v 2 t. T. 2* [Selected Works: in 2 vols. Vol. 2]. Almaty, Izdatel'skij dom "Zhibek zholy", 2011. 536 p. (in Russian).

25. Akosheva M. K., Rakhimzhanov K. Kh. With whom do we compare ugly people? Standards of ugliness in the Russian language. *Slavia Centralis*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 138–154 (in Russian).

26. Temirgazina Z. K., Bakhtikireeva U. M., Sinyachkin V. P. Cognitive mechanism of metaphorization in zoological terms. *American Journal of Applied Sciences*, 2016, vol. 13, no. 1, pp. 1385–1393. <https://doi.org/10.3844/ajassp.2016.1385.1393>

27. Girshman M. M. *Ritm khudozhestvennoj prozy* [Rhythm of fiction]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1982. 366 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 15.08.2024; принята к публикации 15.08.2024; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 15.08.2024; accepted for publication 15.08.2024; published online 30.05.2025